**С. О. Шаляпин[1]**

# МОНАСТЫРСКАЯ ССЫЛКА КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ФОРМА КУЛЬТУРНОЙ МИГРАЦИИ

Проблема истории монастырской ссылки в России, как и вообще церковно-правовая проблематика, не получила всестороннего научного освещения. Широко известно о многочисленных негативных последствиях использования монастырей в качестве пенитенциарных учреждений. Подобные последствия стали очевидны и неизбежны тогда, когда место духовного самосовершенствования постепенно начало превращаться в подобие тюремного учреждения[2]. Однако многовековая практика заточения в монастыри различных категорий духовных и светских лиц имела и обратную сторону — была значимым культурно-миграционным фактором, оказавшим серьезное влияние на духовное развитие как монастырей — мест ссылки, так и целых периферийных регионов — Русского Севера и Сибири. Примечательно, что средневековая монастырская ссылка воспринималась современниками как важное социальное явление, достойное публичного обсуждения. Известно, что проблемы монастырского заточения поднимались царем Иваном Грозным в его посланиях к кирилловским старцам, писаниях протопопа Аввакума, переписке опального патриарха Никона с царской семьей. При этом, как отмечал Д. С. Лихачев, ссыльные в монастырях все же «составляли трудно учитываемую культурную силу»[3].

Периферийные монастыри России как местные центры книжности, духовных поисков, художественного развития не оставались обособленными от культурных процессов, происходивших в центре государства. Многочисленные идейные и религиозные течения, возникавшие в стране на протяжении XV–XVII веков, вызывали живой интерес монашества Русского Севера. Именно ссылка активных деятелей религиозной оппозиции в монастыри Севера и Сибири постоянно оживляла там процесс духовных поисков. Характерно, что борьба нестяжателей с иосифлянами XVI столетия сопровождалась ссылкой на Север представителей обоих противоборствующих идейных течений.

Так, в 1550-х годах в Соловки были сосланы нестяжатели игумен Артемий (Троицкий), Кассиан и Гурий Коровины и иосифлянин Гурий Заболоцкий. Интересно, что первый из них бежал в Литву при попустительстве соловецкого игумена, что косвенно доказывает склонность монастырской элиты того времени к поддержке учения последователей Нила Сорского. Трое остальных, находясь в соловецкой ссылке, переписывались со знаменитым церковным полемистом и книжником Зиновием Отенским, что свидетельствует о нестрогом режиме их изоляции в монастырском заточении и непрекращающихся даже в ссылке духовных поисках. Благодаря подобным процессам северные обители, их культурно-просветительская жизнь не сталкивались с таким явлением, как провинционализм, находясь в центре духовных поисков своей эпохи.

Только в Соловецком монастыре в XVI–XVII веках отбывали ссылку: Авраамий Палицын (выдающийся общественный и религиозный деятель Смутного времени, писатель)[4], Арсений Грек (выдающийся богослов, ставший после возвращения из ссылки первым справщиком Печатного двора в Москве и учителем Греко-латинской школы

[1] Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск), кандидат исторических наук, доцент.

[2] См.: *Щербич С. Н.* Монастырская ссылка. Проблема последствий // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень, 2001. С. 24–41.

[3] *Лихачев Д. С.* Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 40.

[4] Воинские повести Древней Руси. Л., 1985. С. 491.

в Кремле, получившей название патриаршей)[1], Феофан Грек (афонский архимандрит, книжник, один из идеологов Соловецкого восстания)[2], Никанор (игумен Саввино-Сторожевского монастыря, один из активных противников никоновских реформ, один из лидеров Соловецкого восстания)[3] и многие другие выдающиеся деятели культуры и общественной мысли той эпохи.

Весьма показательным для объективной оценки влияния ссыльных на духовную жизнь монастырей является активное участие соловецких узников в длительной полемике и идейной борьбе, предшествовавшей Соловецкому восстанию 1666–1676 годов, а затем и в самом восстании. При этом ссыльные выступали в восстании не единой обособленной группой, а входили в различные внутримонастырские партии[4].

Элементом реализации культурно-миграционной функции можно назвать практику перевода ссыльных из одного монастыря в другой. Так, отбывавший ссылку последовательно в Николо-Карельском, Спасо-Каменном и Кандалакшском монастырях активный противник Никона Иван Неронов использовал свои перемещения из обители в обитель для приобретения большего числа сторонников и сочувствующих, расширяя тем самым ряды антиниконовской оппозиции в среде северного духовенства. Массовая ссылка участников Соловецкого восстания в беломорские монастыри привела к многочисленным побегам иноков-старообрядцев, заложившим основы масштабного миграционного движения — «ухода в леса» от царского произвола и церковных преобразований.

Совершенно особый статус получали видные религиозные и политические деятели, оказавшиеся вдали от столицы, в келье того или иного периферийного монастыря. Для местной, преимущественно крестьянской по происхождению, братии такие лица становились знаковыми фигурами, вокруг которых формировалась совершенно особая культурная микросреда. Подчас никакие строжайшие правительственные запреты не могли заставить братию отказаться от общения с такими людьми, в словах и делах которых чувствовалась сопричастность истории. В подобной роли «центра культурного тяготения» в северных монастырях выступали Филарет Романов, бывший «царь московский» Симеон Бекбулатович, патриарх Никон, тетя Ивана Грозного Ефросинья Старицкая и многие другие. Примечательно стремление братии монастырей сохранить мемориальные предметы и места, связанные с пребыванием некоторых ссыльных: Авраамия Палицына, Арсения Грека, Арсения Мацеевича, Филарета Романова и др.

Влияние ссыльных на культурную жизнь монастырей значительно ослабло в XVIII веке, когда монастырская ссылка по своей форме все более сблизилась с тюремным заключением, практикуемым государственными карательными учреждениями. Однако нельзя говорить о полном исключении ссыльных из процесса формирования культурной среды той обители, где они содержались. Многие ссыльные продолжали сохранять относительную свободу в общении с братией, пользовании монастырской библиотекой и даже переписке, что позволяло им оставаться значимой силой, формирующей интеллектуальный фон той или иной обители.

Так, в 1700 году на Соловки был сослан школьный учитель иеродиакон Иов за непослушание и упрямство, которые тем не менее не помешали ему учительствовать в обители[5]. Сами монахи порой стремились помочь ссыльным в их самообразовании. В 1722 году Соловецкий инок Гедеон был наказан за попытку передать некому секретному арестанту выписки из китайской книги «ради учения и навыка»[6]. Ссыльные вносили в жизнь окраинных монастырей и совершенно неожиданный элемент политической борьбы, распространяя запрещенные правительством крамольные теории: в 1701 году на Соловки были присланы книгописец Григорий Талицкий и тамбовский епископ Игнатий по обвинению в сочинении «воровских писем» против Петра I, пытавшиеся и в ссылке распространять свои взгляды[7].

Некоторые привилегированные ссыльные (царедворцы, иерархи церкви, отпрыски знатных дворянских фамилий) способствовали пополнению книжных собраний окраинных монастырей, в том числе редкими светскими изданиями, при иных обстоятельствах не имевших шанса оказаться в монастырской библиотеке: словарями, трактатами по медицине, иностранными книгами. Эти же люди привозили в места ссылки модные диковинные вещи, навсегда остававшиеся в монастырях: глобусы и карты, астрономические и чертежные инструменты, часы, картины и т. п. Примечательно, что некоторые ссыльные выступали в роли благотворителей, осознанно украшающих место своего вынужденного пребывания. Так, бывший митрополит Крутицкий Игнатий Смола построил на свои средства деревянный храм в Николо-Карельском монастыре, обновил иконостас и ризницу собора.

Пребывание выдающихся представителей русской политической, религиозной и культурной элиты, участников ярких общественных движений XVI–XVIII веков в окраинных монастырях Российского государства имело неожиданные для властей последствия: перемещение этих лиц на окраины страны, в монашеские обители, не полностью изолировало их от влияния на социум. Подобная ссылка становилась формой трансляции наиболее актуальных культурных, духовных, политических тенденций в среду северного и сибирского монашества, благодаря этому не испытывавшего комплекса культурной маргинальности. Данное явление, обрисованное в статье лишь поверхностно, несомненно, нуждается в углубленном изучении, способном дать современному исследователю представление о некоторых скрытых слоях культурно-интеллектуальной жизни средневекового общества.

---

[1] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. / под ред. Э. Д. Днепрова. М., 1989. С. 68.

[2] *Чумичева О. В.* Новые материалы по истории Соловецкого восстания (1666–1676) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 64–65.

[3] *Чумичева О. В.* Страницы истории Соловецкого восстания (1666–1676) // История СССР. 1990. № 1. С. 168–169, 174.

[4] *Чумичева О. В.* Новые материалы… С. 66.

[5] Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 255. Карт. 15, 31. Л. 12.

[6] *Фрименков Г. Г.* Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1968. С. 33.

[7] *Лихачев Д. С.* Указ. соч. С. 38.